

УЭТОЙ ВЫСТАВКИ удачное и тонкое название — “Работать и жить. Архитектура конструктивизма”. Примечательно, что глагол “работать” поставлен на первое место, а следом идёт “жить”. Это веяние эпохи, когда царил культ машин, а сапиенс был обаян восторженно отступит пред величием деловитого железа! Агрегат умнее и красивее человека. Душа машин — вот точка сборки.

Знаковая фигура 1920-х годов, теоретик научной организации труда Алексей Гастев писал: “Мир машины, мир оборудования, мир трудового урбанизма создаёт особенные связанные коллективы, рождает особые типы людей, которые мы должны принять, принять так же, как мы принимаем машину, а не бьём свою голову о её шестерни”.

Далее он развивал свою мысль: “В социальной области должна наступить эпоха тех же точных измерений, формул, чертежей, контрольных калибров, социальных нормальев. Как бы нас ни смущали сентиментальные философы о неуповимости эмоций и человеческой души, мы должны поставить проблему полной математизации психофизиологии и экономики, чтобы можно было оперировать опреде-

ные сооружения 1920-х напоминают те самые “машины для жилья” или машины для отдыха, если речь шла о домах культуры и клубах. Название “фабрика-кухня” — из той же серии. Место, где происходит пищегаправка нового человека-машины.

Больше того, конструктивизм — это идеология. “Да здравствует коммунистическое выражение материальных сооружений!” — восклицал Алексей Ган, подчёркивая, что более нет никакого искусства. — Пришёл конец чистому и прикладному! Настало время социально-целесообразному. Ничего случайного, безучётного, ничего от слепого вкуса и эстетического произвола. Всё должно быть осмыслено технически и функционально”. А что в буржуазном мире? Там всё фальшив, игра в стили. “На западе конструктивизм братают с искусством”, — итожил Ган.

После 1934 года такие разговоры и дискуссии были признаны если не вредительством, то глупостью. Разве можно считать

конструктивистский рай

Новая экспозиция в арт-центре «Зотов»

лёнными коэффициентами возбуждения, настроения, усталости, с одной стороны, прямыми и кривыми экономическими сти-мупов — с другой”. То есть человек станет функционизирующим существом, для которого “жить” означает “работать”. Ле Корбюзье, этот идол XX столетия, сформулировал чётко и безапелляционно: “Дом — это машина для жилья”.

Экспозиция в арт-центре “Зотов” действительно заслуживает внимания — и оформлением, и творческими задумками, и размахом. Правда, вот здесь возникает недоуменная пауза, ибо размах уж больно широк. В подзаголовке значатся якобы даты конструктивизма — 1917–1937 годы. Настоящие рамки этого явления — 1920–1934 годы.

В 1920 году вышла брошюра Алексея Гана “Конструктивизм”, где изобретатель самого термина утвердил: “Конструктивизм — стройное дитя индустриальной культуры”. С 1917-го до начала 1920-х архитекторы ещё примерялись к новому формату, не зная, какой будет пролетарская культура. Финиш — это 1934 год, когда неоклассик Иван Жолтовский своим ренессансно-барочным зданием на Моховой поставил точку в футуромечте русских авангардистов. Тот прихотливый дворец даже называли “последним гвоздём в гроб конструктивизма”.

О каком же 1937 году вообще может идти речь, когда в середине предвоенного десятилетия возводились дома и станции метрополитена с использованием античного ордера, египетскими и вавилонскими мотивами, версальским шиком да прочими “финтифлюшками”? Да-да. С точки зрения радиоконструктивистов любой декор — это ненужная финтифлюшка, так как машина, этот кумир, не нуждается в рокайлях.

Конструктивизм — не стиль, как часто путают, а метод. Его основа — конструкция. Адгелты конструктивизма зоворили, что они изобретают и монтируют свои проекты подобно тому, как технари создают агрегаты. По тому все жилые и обществен-

конструктивизмом Дворец Советов по проекту Бориса Иофана, которому отведён целый стенд с макетом? Иофан терпеть не мог саму идею конструктивизма, оставаясь и в 1920-х годах последовательным классиком, воспитанным на ордерной системе. Или, допустим, павильон для парижской Exposition internationale 1937 года, увенчанный статуей рабочего и колхозницы?! Это что угодно, только не конструктивизм.

А что конструктивного в хоромине Наркомтяжпрома, сочинённой братьями Весниными? Да, они в 1920-х были сторонниками рациональных форм, но после 1934 года живо перестроились, дабы продолжать работать в новом русле. Все эскизы Наркомтяжпрома — это гигантомания, помноженная на волшебную дерзость. Это ещё не классика, но уже не конструктивизм. Замысел Весниных — это сновидческая реальность, стеклоте-тонные исполины, заполненные светом в ночи. Застывшие чудо-монстры, которые вот-вот двинутся в направлении Будущего. Какая уж тут рациональность?

НОВЕРНЁМся к основной части экспозиции, которая всё же относится к концепциям 1920-х годов. Первое, на что стоит обратить внимание, — это многочисленные плакаты, изображающие новую человеко-единицу, то бишь сознательного пролетария, спортсмена, агитатора, инженера. Тут и девушки в красных косынках, не связанные бытом, и дети, играющие которых казалось ясным, как прямые перспективы городов-новостроек. Юрий Олеся искренне возгласил: “Если я не могу быть инженером стихий, то я могу быть инженером человеческого материала. Это звучит громко? Пусть. Громко я кричу: да здравствует реконструкция человеческого материала, всеобъемлющая инженерия нового мира!”

Разумный винтик (а в этом определении не было совершенно ничего обидного!) должен обитать в домах-коммунах. Эскизы и фотографии таких домов представлены в залах выставки. Считалось, что люди будут лишь ночевать в комнатах-отсеках, а большую часть

суток проводить на работе, в клубах по интересам, в физкультурных секциях, на диспутах и в театрах. Иметь личные книги? А зачем, если везде библиотеки? Дома-коммуны пафосно именовались “школами коммунистического общежития”, но так уж вышло, что народ в своей массе не хотел общности, а думал о своём уголке с цветастыми занавесками да komodikom. И — со своими книгами. Это нормально — хотеть приватности! От идеи домов-коммун пришлось отказаться, но сами чертежи и ныне изумляют своей футуристичностью. Реализованные проекты потом использовались как обычные квартиры с коридорной системой.

Конструктивистские кварталы возникали как грибы после дождя. В Москве появились Дангаузровка, Стромынка, Дубровка, ЗИЛ, Шаболовка. Соцгородки, как величали в те прессы и на плакатах, резко отличались от старого жилфонда. То были комфортабельные пяти-шестизатжки с промадными окнами, просторными лестничными клетками, водой и отоплением. “Во — ширина! Высота — во! Проветрена, освещена и согрета”, — констатирует Владимир Маяковский в стихотворении о некоем литейщике Иване Козыреве.

Как правило, соцгородки возводились рядом с каким-нибудь предприятием. На выставке можно увидеть стенд, посвящённый одной из ленинградских новостроек — району Нарвских ворот. Здесь и Дом кооперации, и клуб, и дома секционного типа, созданные питерским зодчим Александром Гегелло. И разумеется, фабрика-кухня, этот интересный замысел 1920-х — начала 1930-х годов. Несмотря на любовь к унификации, нет ни одного повторяющегося варианта. Ленинград, Москва, Баку, Самара — география почина была велика.

Среди экспонатов — фотографии первой в СССР фабрики-кухни на Ленинградском проспекте. Тогдашняя окраина Москвы! Сюжеты Александра Родченко здесь кстати. Его ракурсы, виды, смыслы. Его динамика там, где подразумевается статика. Работницы кухни, обедающие люди, котлы и кафе.

Советский мир обожал символичность, и потому сия фабрика по изготовлению котлет с гарнирами была построена акkurat напротив бывшего ресторана “Яр” — места загулов и кутежей в дореволюционной России. Суперсовременное здание кухни по проекту Алексея Мешкова высылось, как чертог, перенесённый из коммунистического послезавтра. Сейчас это покажется диким, но многие простые люди именно в тех столовых начали есть из сверкающей посуды, предварительно вымыв руки. Большевик принёс не только социальную справедливость, но и поголовную гигиену.

В ТЕ ГОДЫ шли бесконечные театральные эксперименты, начатые ещё в 1910-х, но заручившиеся поддержкой от государства (а конкретнее — от Анатолия Луначарского) лишь после революции. Деятели рассуждали о закономерной гибели старых подмостков с их традиционным укладом, дискutiровали, спорились.

Убеждали, что коммунистический театр — это совместное действо актёра и зрителя. Предлагалось убрать деление на зал и сцену, упразднить занавес — покончить с наследием. Внедрялась интерактивность. Среди экспонатов афиши “Синей блузы” и “ТРАПА” — театра рабочей молодёжи, макеты сценических декораций, плакаты. Эти причуды высеивали все юмористы, а Илья Ильф с Евгением Петровым показали такой театр в “Двенадцати стульях”, и не сказать, чтобы они хвалили новаторские эскизы. Однако всё это осталось в истории искусств как образчик смелости решений. Вот эскиз лозунга для театральной постановки всё того же Мейерхольда “Земля дыбом”. Работа Любови Половой — одного из ведущих оформителей. Оружие буйвицы: “Владыкой мира станет труд!” Это сейчас представляется чем-то вроде эффектного дизайна, а в 1920-х всё направлялось на близкие и дальние цели. Цель тут — агитация.

Все так увлекались резонансностью, что журнал “Вещь”, выходивший под руко-

водством Эля Лисицкого и Ильи Эренбурга, утверждал в своём первом номере: “Всякое организованное произведение — дом, поэма или картина — целесообразная вещь, не уводящая людей из жизни, но помогающая её организовать”. Цветовые решения — и те подчинялись психофизиологии, которая сделалась модной дисциплиной, причём не только у врачей, но и в архитектурной среде.

В экспозиции явлены примеры покраски стен в квартире, и это не для украшательства. Моисей Гинзбург, известный мастер конструктивизма, рассуждал в одной из публикаций: “Предварительное научное изучение психофизиологического влияния цвета на бытовые и трудовые процессы может дать правильную установку при присвоении тем или иным элементам архитектуры функционально оправданного цвета. Здесь речь идёт уже не о цвете как определённой объективной данности, не о цвете как о величине, обладающей определёнными качествами психофизического воздействия, но о цвете в его функциональной использованности в конкретной архитектурной среде. Так, внутреннее пространство, расчленённое на отдельные функционально-работающие части и их поверхности, может получить своё ясное и чёткое разрешение при помощи цвета”.

При всём том, что конструктивизм всячески отрицал эстетику, она была, да ещё какая! Все эти плакаты, проекты, чертежи видятся роскошной фантастикой. Например, узнаваемые линии Якова Чернихова с его промышленной грёзой. Рисунки и теперь кажутся актуально-современными, а уж в 1920-х они смотрелись предвещанием городов-солнц.

Во всём этом — дух всецелой машины. Когда называют 1920-е десятилетием безбожия, это неверно — тогда верили в некий разум, который поможет достигнуть бессмертия. Чтобы работать и жить, как perpetuum mobile. Однако и в технике не бывает вечных двигателей. Но мечтать не вредно.

Галина ИВАНКИНА

Иллюстрация: проект Дома кооперации в Кировском районе Ленинграда (1930), архитектор Александр Гегелло

НЕСНОСНОЕ ДИТЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

И снова о Василии Розанове

ВАСИЛИЙ РОЗАНОВ БЫЛ, конечно, необычным и неоднозначным человеком, своего рода enfant terrible русской философии, обладающим удивительным даром рассориться в мгновение ока с кем угодно, исповедовать одновременно диаметрально противоположные взгляды и оставаться ярким философом, не обладая, в сущности, сколь-нибудь внятным мировоззрением.

Его главным талантом была, пожалуй, цепкая наблюдательность, помогающая вдруг выхватывать суть той или иной вещи. И в этом его талант был в чём-то конгенитален пушкинскому. Неслучайно сам Василий Васильевич Пушкина боготворил (в то время, когда к таланту нашего первого поэта относились, за исключением узкой группы декадентов во главе с Мережковским, довольно скептически и прохладно).

Розанов, кажется, первым увидел в Пушкине русского Адама, ходящего в Божием саду и “как бы вторично, в уме и поэтическом даре” повторяющего “дело Божийх рук”, то есть называющего все вещи этого мира их истинными именами (“О пушкинской академии”, 1899). Столь глубокомысленное наблюдение стоит, право же, многих философских томов.

Конечно, в розановском Пушкине — многобожнике и пантеисте, всё познающем и всё тут же мгновенно забывающем, чтобы быть готовым вновь и вновь восхититься совершенно противоположными вещами — нам трудно узнать (как это часто бывает) самого Розанова. Но, не обладая пушкинской гениальностью, и сам Розанов был способен на эти мгновенные “пушкинские” прозрения... Порой столь язвительные, что наживали нашему философу множество врагов.

“Отца русской философии” Владимир Соловьёв Розанов мог называть, например, “красивым бронеотом Антихристом” и убедительно по-яснить своё наблюдение: “Соловьёв был странный, многодарённый и страшный человек. Несомненно, что он себя считал и чувствовал выше всех окружающих людей, выше России, её Церкви, всех тех “странников” и “мудрецов Пансофов”, которых выводил в “Антихрист” и которыми стучал как костяшками на шахматной доске своей литературы... Он, собственно, не был “запмятовавший, где я живу” философ, а был человек, которому с человеками не о чем было поговорить, который “говорил только с Богом” (Розанов В.В. Литературные изгнания). Понятно, что ярость самого В. Соловьёва по поводу Розанова не утихла годами.

На проклятый вопрос русской интеллигенции “что делать?” Василий Васильевич отвечал также по-своему: “Как что делать: если это лето — чистить ягоды и варить варенье; если зима — пить с этим вареньем чай”...

Писания Розанова столь же неоднозначны и столь же по-своему обаятельны и притягательны, как и его личность. Любая его книга, будучи даже неверной по существу (сам Розанов то и дело опровергает собственные выводы), всегда содержит и точные наблюдения, и прекрасные афоризмы, и незаметные на первый взгляд мелочи, обнажающие те стороны вещей, без которых они окажутся неполными и пресными.

Но и влияния Розанова на современную ему мысль отрицать нельзя. Его этюд “Легенда о великом инквизиторе Ф.М. Достоевского” (1891) не только предвосхитил будущие исследования Достоевского (Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова и пр.), но дал во многом начальный импульс деятельности Религиозно-философского общества.

Конечно, Розанов не создал философской системы, на что его слишком импрессионистская философия (в отличие от многих других) и не претендовала... Но, положя руку на сердце, — кто из “этих других” создал? Ни одна из русских философий всеединства, начиная с Вл. Соловьёва, в сущности, не удалась. Философия наша так и осталась заметками (порой блестящими) на полях русской истории и литературы.

Нашими по-настоящему великими философами были Пушкин, Достоевский, Толстой, Гоголь (к последнему Василий Васильевич испытывал большую и, пожалуй, даже личную неприязнь)... И возможно, именно Василий Васильевич угадал истинную роль русской философии: быть мимолётными замечаниями одновременно обо всём и ни о чём; игрой смыслов в духе буддийских коанов или даже созерцанием в духе исихастских мистиков (подход, в сущности, очень восточный и патриархальный)...

Неудивительно, что наиболее читаемыми его вещами остаются “Опасные листья” и “Уединённое” (кстати, не удостоившиеся во время выхода ни единой положительной рецензии) — столь же неизбежные и прекрасные, как и вся его философия... Как и всякая вещь под солнцем, озарённая на один прекрасный и восхитительный миг бытия и вот уже облетающая прахом...

Русскую революцию, которую Василий Васильевич застал в последние годы жизни, он не мог воспринять иначе как совершенный кошмар и культурную гибель: “Русь сплиняла в два дня. Самое большее — в три. Даже “Новое Время” нельзя было закрыть так скоро, как закрылась Русь... Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска и не осталось рабочего класса. Что же осталось-то?

Станным образом — буквально ничего... Вот и Достоевский... Вот тебе и Толстой, и Аппатыч, и “Война и мир”. Что же, в сущности, произошло? Мы все шалили. Мы шалили под солнцем и на земле, не думая, что солнце видит и земля слушает. Серьёзен никто не был, и, в сущности, цари были серьёзные всех...” — так писал он в “Апокалипсисе нашего времени”.

В набросках же сказано ещё более проникновенно: “Никогда я не думал, что Государь так нужен для меня: но вот его нет — и для меня как нет России...”.

ЧЕМ СЕГОДНЯ ДЛЯ НАС может быть важен и интересен Розанов? Не только клadem простодушной житейской мудрости. Его мысли о просвещении и образовании, собранные в книге “Сумерки просвещения”, и сегодня, кажется, не потеряли своей актуальности.

“Почему у нас чуть не каждый гимназист становится врагом государства и общества? — спрашивает Розанов и отвечает: — Потому что у нас нет “мечты своей родины”... “Я учился в костромской гимназии, и в 1-м классе мы учили: Я человек, хотя и маленький, но у меня 32 зуба и 24 ребра”... Только доучившись до 6-го класса, я бы узнал, что “был Су-санин”... Потом Симбирская гимназия (2-й и 3-й классы) — и я не знал ничего о Симбирске, о Волге... Не знал, куда и как протекает прелестная местная речка, любимица горожан — Сви́гва... Учас в Костроме, не знал, что это имя — ещё имя языческой богини; ничего — об Ипатьевском монастыре. О чудотворном образе (местной) Федоровской Божией Матери — ничего...”.

Кажется, перед нами самые простые, даже элементарные вещи: любовь к родине начинается с семьи, дома, двора, улицы, родного города; а пусть даже и с самых мешанских на первый взгляд предметов, но которые обязательно дадут впоследствии нужные всходы...

Умер Василий Васильевич 23 января (5 февраля) 1919 года в Сергиевом Посаде, в беспросветной нищете, так и не примирившись с произошедшим с Россией, но, можно надеяться, найдя в конце концов примирение своей “индивидуальной религии” и “философии маленького религиозного человека” с Богом.

Владимир МОЖЕГОВ

Печатается в сокращении, полный текст — на сайте zavtra.ru

СУХОДОМ ЧЕЛОВЕКА исчезает целая вселенная. Когда умирает писатель, он уносит с собой все свои миры — уже созданные и те, которые только хотели проявиться. А ещё — те, о которых никто не знал и уже не узнает.

“Кто может, океан уярюмый, Тебя изведать тайны? Кто толпе мол расскажет думы? Я — или Бог — или никто”

М.Ю. Лермонтов

5 апреля 2024 года ушёл из жизни лауреат Государственной премии России, писатель, издатель, редактор и сценарист, член Союза писателей России, Вацлав Вацлавович Михальский, неизменный центнер М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова и других русских классиков, эрудит, провидец, мастер выверенного художественного слова, человек с огромной, живой и тёплой душой.

Родился он в 1938 году в Таганроге, рос в Махачкале. Выпускник Литинститута (1965) и Высших сценарных курсов при Госкино СССР (1975), работал в газетах “Известия” и “Правда”, в издательстве “Советский писатель”.

Это была эпоха поколения, родившегося в 1936–1938 годах, щедро одарённого как талантами, так и нелёгкими судьбами. Среди них — Виктор Лихоносов, Александр Вамилов, Валентин Распутин, Александр

СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ

Не стало Вацлава Михальского

Проханов, Леонид Бородин и другие. В то же время в Литинституте с Вацлавом Михальским учились Анатолий Передерев, Игорь Шкляревский и др., соседями по общежитию были Николай Рубцов и Василий Белов. А однокурсниками Вацлава Михальского по сценарному мастерству — Владимир Маканин, Андрей Битов, Грант Матевосян и др.

Уже в 1960–1980-х годах вышли повести Вацлава Михальского “Баллада о старом оружии” (1963), “Катенька” (1965), “Семнадцать левых сапог” (роман, 1967), “Печка” (1978), “Холостая жизнь” (1981), “Тайные милости” (1982) и др., сразу завоевавшие сердца читателей точным попаданием в пульсирующий нерв своего времени, чему свидетельством — огромное количество писем и откликов от неравнодушных и мыслящих людей. Каждый находил в этих книгах отголосок своей судьбы, вёл свои откровенный разговор с писателем и самим собой. Народность творчества Вацлава Михаль-

ского и читательская любовь полностью перекрывали “фигуру умолчания”, выдерживаемую официальной критикой.

В 1980–1990-х годах вышли экранизации произведений Вацлава Михальского “Баллада о старом оружии” (1986), “Катенька” (1987), “Тайные милости” (1989), “Семнадцать левых сапог” (1991).

С 1990 года писатель издавал журнал “Согласие”, который с 1994 года был преобразован в одноимённое издательство. В этом уникальном издательстве была дана жизнь множеству редких книг, ранее недоступных отечественным читателям философии, литературы, истории, культуры.

Первое десятилетие XXI века ознаменовалось выходом шеститомной эпопеи Вацлава Михальского “Весна в Карфагене” о путях русской эмиграции первой волны — в России, Европе и Африке. Вглавные книги автор отразил свою веру в великую миссию и возрождение России.

Некоторые страницы дошкольного детства, проведённого в Дагестане, и часть истории своей семьи Вацлав Михальский воссоздал в “кавказской повести” “Адам — первый человек” (2014). В этом же году вышло полное собрание сочинений в 10-ти томах (2014), в 2017 году — сборник рассказов “Не судьба”, в 2023-м — сборник рассказов “Лермонтова, 25. Берег моря”, включающий сочинения писателя 2000-х годов.

Всё его творчество наполнено светом искреннего живого русского слова. Литературовед Юрий Павлов так и назвал свою книгу о Вацлаве Михальском — “Свет любви” (2018).

И в малом жанре Вацлав Михальский продолжил классическую традицию “правильной, прекрасной и благоуханной” русской прозы в духе лаконичного и глубокого чеховского слога. До последнего месяца жизни писатель продолжал работать над новыми рассказами.

Светлая память Вам, Вацлав Вацлавович.

Ирина КАЛУС, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и литературного творчества Пятигорского государственного университета, член Союза писателей России, главный редактор литературного журнала “Парус”.

ВЛАДЫКА ТИХОН

Писатель и устроитель

Мы продолжаем презентацию проекта “Светочи”, посвящённого на сайте zavtra.ru. Проект посвящён выдающимся деятелям отечественной науки, искусства и культуры, связанным с газетой “Завтра”.

ТЕ, КОТО НА ОСНОВЕ личного опыта говорит о владыке Тихоне (в миру — Георгий Иванович Шевкунов, р. 2 июля 1958 г.), чаще всего отмечают, что он прежде всего великий труженик, трудник, хотя под словом “трудник” обычно понимают человека, лишь временно живущего и работающего в монастыре или при храме во славу Божию, за кров и еду. Но выпускник ВГИКа и, да, бывший трудник Псковско-Печерского монастыря, нынешний митрополит Крымский и Симферопольский, один из самых известных иерархов Русской православной церкви (РПЦ), действительно поражает энергией и результативностью своих действий.

Феноменальная книгоиздательская деятельность, участие в восстановлении канонического единства Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ) и Московского патриархата, воссозданный его трудами Сретенский монастырь и созданная там “с нуля” духовная академия, фильм-учебник по исторической геополитике “Гибель империи. Византийский урок”, книга его рассказов из церковной и монастырской жизни “Несвятые святые” (изданная уже третьимиллионным тиражом, что кажется невероятным для современного книгоиздательского дела в некогда “самой читающей стране”), окормление множества духовных чад в миру и в церкви — всё, за что он берётся, духовное или материальное, совершается быстро, качественно и как бы само собой.

Кажется, что сама его энергетика имеет особую, иную природу, как, скажем, “звёздная” энергия термоядерного синтеза по сравнению с обычными, “земными”, уже освоенными человечеством энергиями химических реакций (горения в том числе) или распада тяжёлых атомных ядер.

Природа ли тому причиной (некоторые научные исследования свидетельствуют, что живые существа способны синтезировать нужные им элементы в своём организме, так что сказка про курочку-руко и непростое яичко золотое может оказаться не совсем сказкой, а миф о царе Мидасе — не совсем мифом), многолетнее ли (с 1991 года) монашеское подвижничество или что-то ещё и всё это вместе, но слова молитвы о Духе Святом как Сокровище благих и жизни Подателя даже при самом отстранённом взгляде на путь владыки слышатся и видятся не просто словами. И конечно, этот путь вовсе не усыпан розами — терний на нём тоже в избытке. “Один из лидеров державно-фундаменталистского (авторитарного) фунда РПЦ” — сама эта характеристика, столь же устоявшаяся, как “личный духовник Путина”, подразумевает наличие другого, либерального-экзистенциального крыла и в РПЦ, и в российском обществе, где у митрополита Тихона более чем достаточно и скрытых, и открытых недоброжелателей. Даже назначение его в 2018 году главой Псковской епархии с возведением в сан митрополита Псковского и Порховского многими трактовалось как попытка этих недоброжелателей удалить видного деятеля церкви из столицы, тем самым снизив его растущий вес (чего стоит хотя бы отмена продажи алкогольной продукции с 11 часов вечера до 8 часов утра?!) во власти и в обществе. Тот же мотив усматривается (причём теми же трактователями) в переводе владыки из духовно родной ему Псковской епархии в Крымскую, ещё дальше от Кремля, где он “почитался и как духовник, и как просветитель, и как дипломат от церкви”; при этом цитируются его слова из прошального обращения к своей псковской пастве: “Что такое Крым? Что такое Крым был в Древней Греции, в Византии? Это Колыма!.. Ссылали туда — и Златоуста, и Климента, папу Римского. Вот и мне — на курорты Колымы...” Но, конечно, при этом упускается из виду, что митрополит Тихон всё происходящее с ним, с русским народом и с нашей страной (да и со всем миром) воспринимает прежде всего как испытание по Божьей милости человеческих духа и веры, а уже потом — всё прочее.

Что становится ясно из таких, например, слов владыки о Крыме: “Это одно из самых прекрасных мест в нашей стране. А значит — во всей Вселенной... Другого Крыма у нас нет... Значит, надо так прожить. Надо вместе пройти этот путь”.

“Бог ведёт тебя. И ведёт ко благу и ко спасению, загадочному для тебя исходу по загадочному для тебя пути. Но по абсолютному верному и правильному... Конечно, это милость Божья — оказаться на том месте, где почти 35 лет назад начал свою и монашескую, и духовную жизнь, где всё родное, всё близкое”, — говорил он о возвращении в Псков из Москвы в беседе с Александром Прохановым, которого называет своим старшим другом, учителем и единомышленником и которому недавно вручал высокую церковную награду — орден Александра Невского. Помимо того, митрополит Тихон состоит в Изборском клубе чуж ли не с момента его создания, и разумеется, без благословения владыки не обходился и не обходится многие начинания избора, а также газеты “Завтра”.

СПЕЦИАЛЬНУЮ военную операцию на Украине, ставшую гибридной войной против всего коллективного Запада, он называет “страшной и вынужденной мерой, которая была предпринята по защите нашей страны”, и говорит о своей надежде на её благополучный исход. “А благоприятный, благополучный исход — это мир Божий, который должен воплотиться и на Украине, и в России. Как это будет — только Господь ведает. Человеческими силами этого не сделаешь после всей той крови, которая произошла... Это выше человеческих сил”, — говорит владыка Тихон.

И можно надеяться на то, что своим духовным зрением он видит дальше и больше нас, грешных, как ещё в 2001 году увидел: только что ставший тогда президентом нашей страны “Владимир Владимирович Путин — действительно православный христианин, и не номинальный только, а человек, который исповедуется, причащается и знает свою ответственность перед Богом за веренное ему высокое служение и за свою бессмертную душу... Тот, кто по-настоящему любит Россию и желает ей блага, может только молиться за Владимира Владимировича, промыслен Богом поставленного во главе России”.

Всё у нас получится: по делам нашим и по вере.

Владимир ВИННИКОВ